

УДК 82-13 (=512.154)

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ
В КЫРГЫЗСКОМ ГЕРОИЧЕСКОМ ЭПОСЕ “МАНАС”

А.А. Бакиров

Рассматривается кыргызский героический эпос “Манас” в контексте коллективного творчества многих поколений народных сказителей-манасчи. Рассматриваются основные свойства эпической поэзии: устность, традиционность, вариативность, коллективность, анонимность.

Ключевые слова: героический эпос; традиция; импровизация; сказитель; композиция; сюжетная линия.

TYPOLOGICAL FEATURES EPIC POETRY IN THE KYRGYZ HEROIC EPIC “MANAS”

A.A. Bakirov

The article considers the Kyrgyz epic “Manas” in the context of collective artwork of many generations in the folk narrators – Manaschy. The main features of epic poetry are considered: oral, traditional, variability, collectivity, anonymity.

Keywords: heroic epic; tradition; improvisation; narrator; composition; story line.

В отличие от литературных эпических сочинений, у которых всегда есть единоличный автор, героический эпос не создают творческие индивидуальности. Здесь процесс создания произведения носит особый коллективный характер. В чем же сущность коллективной работы в фольклоре, и в каких формах она протекает? Коллективная работа становится возможной благодаря *традиционной* передаче произведения. При таком процессе создания произведения люди, принявшие участие в коллективной работе над одним и тем же произведением, могут и не знать друг друга. Известный российский фольклорист В.П. Аникин писал: “В фольклоре распространено такое совместное творчество многих лиц, когда никто исключительно не может считаться “автором”. Коллективное творчество осуществляется благодаря длительной традиционной передаче устных произведений из поколения в поколение. Речь по существу идет о такой коллективной работе, когда внуки продолжали и завершали творчество дедов” [1, с. 23].

В устном народном творчестве под традицией обычно понимают устойчивое сохранение определенной образной системы на протяжении очень длительного времени. Бережное отношение к традиционным формам помогало устному эпосу в процессе длительного бытования произведения сохранить основной костяк сюжета с его перво-

начальной образной системой. Как отмечает профессор Р.З. Кыдырбаева: “Те шедевры народной поэзии, которые до сих пор поражают своей красотой, глубокой гуманностью, обязаны во многом этой устойчивой традиции, бережно донесшей до нас отголоски прошлой культуры, отголоски многотрудной жизни народа” [2, с. 6].

В эпосе “Манас” можно выделить традиционную композицию, традиционный сюжет, традиционную поэтику.

Наблюдение над строением эпоса “Манас” показывает, что центром его служит образ главного героя, который и объединяет все остальные действующие лица. Сюжет эпоса “Манас” строится в традиционном для эпоса тюркоязычных народов плане эпической биографии богатыря с характерными для нее эпизодами, сюжетами и мотивами. В отличие от эпических циклов большинства других народов, в которых эпический монарх (Карл Великий, Владимир Красное Солнышко, Джангар и др.) обычно не играет активной роли в развитии отдельных сюжетных линий, в “Манасе” все события разворачиваются вокруг главного героя или имеют непосредственное к нему отношение. Академик В.М. Жирмунский, углубленно изучавший кыргызский эпос, писал в связи с этим: “Напротив, в “Манасе” все разнообразное и богатое содержание огромной эпопеи вмещается в широкие

рамки эпической биографии легендарного властителя Манаса, биографии, которая начинается его рождением и кончается его смертью, включает его походы против врагов киргизского народа, женитьбу, распри с непокорными и коварными родичами и мятежными вассалами и получает продолжение, по принципу генеалогической циклизации, в такой же эпической биографии его сына и наследника Семетея и внука Сейтека” [3, с. 97].

Образ главного героя выполняет в эпосе важную композиционную роль – служит центром, вокруг которого группируются все прочие действующие лица.

К основным сюжетным линиям в эпосе “Манас” относятся:

1. Рождение и детство Манаса. Избрание Манаса ханом.
2. Походы Манаса с целью освобождения земель предков.
3. История сподвижника Манаса – Алмамбета.
4. Женитьба Манаса на Каныкей.
5. Поминки по Кёкётёю – одному из старших соратников Манаса.
6. Заговор родственников Манаса – Кёзкаманов.
7. Большой поход Манаса на Бейджин.

В различных вариантах эпоса эти сюжетные линии строятся не обязательно в указанном порядке, но основное сюжетно-тематическое ядро, безусловно, сохраняется. В любом из многочисленных вариантов эпоса “Манас” указанные сюжетные линии получают почти одинаковое развитие, что говорит о том, что в процессе многовековой передачи эпоса от поколения к поколению они прошли “редакцию” широких народных масс и прочно закрепились в эпической традиции.

Вышеуказанные эпизоды нашли свое отражение в вариантах таких крупных сказителей как: Сагымбая Орозбакова, Саякбая Каралаева, Молдо-Басана Мусулманкулова, Тоголока Молдо, Багыша Сазанова.

Детальную разработку в эпосе “Манас” получает и структура описания отдельных эпизодов и сцен. Так, в “Манасе” обширное место занимают батальные эпизоды, получившие развернутое описание. На протяжении многих веков многими поколениями сказителей были выработаны общие принципы изображения богатырской битвы. А. Сыдыков, изучивший композицию описания героических походов в вариантах С. Орозбакова и С. Каралаева отмечал, что общим для сказителей является, прежде всего, сама структура описания боевого похода, которая включает в себя следующие традиционные части: 1. Мотивы похода. 2. Подготовка к походу. 3. Выступление войск. 4. Противнику становится известно о предстоя-

щем походе. 5. Завязка боя. Богатырские поединки. 6. Всеобщий бой. 7. Заключительная часть боя [6]. Композиция описания богатырской битвы в различных вариантах “Манаса” представляет собой явление устойчивое и традиционное. Аналогичная структура описания боевых походов встречается уже в памятнике XVI в. “Маджму ат таварих” (“Собрание историй”). В этом сочинении представлены отдельные эпизоды из эпоса “Манас”, среди которых своей разработанностью выделяются описания батальных эпизодов. Например, указываются мотивы того или иного похода, есть раздел в котором противнику становится известно о предстоящем походе, упомянуты поединки между богатырями, всеобщий бой и заключительная часть похода. Другими словами, перед нами та же структура, что и в вариантах XX в. В чем же причина устойчивой последовательности этапов богатырской битвы? Как справедливо отмечает А. Сыдыков, одна из причин состоит в коллективной природе и традиционности эпоса: “При грандиозных объемах “Манаса” заучивание текста наизусть исключалось. Поэтому у разных сказителей мы не встречаем текстуальных совпадений (за исключением устойчивых словесных формул). Передавалась традиционная *последовательность этапов* в описании героического похода. Она переходила от одного поколения сказителей к другому, служа средством запоминания и облегчая процесс обучения искусству манасчи” [4, с. 138].

Традиционная устойчивость особенно ярко проявляется в системе выразительных средств устно-поэтического творчества. Эпический певец в своем творчестве придерживался не только традиционной канвы произведения, но и тех художественных средств, приемов которые были выработаны прежними сказителями и передавались из поколения в поколение.

Народному эпосу свойственна идеализация положительных героев, основным средством которой является гиперболизация. На ранней стадии развития героического эпоса содержанием многих образов было воспевание физической силы человека. Для древней эпической традиции тюркоязычных народов было характерно наделение положительного героя чертами сильных, хищных животных. Образ Огуз-хана, например, тюркского первопредка по уйгурским легендам, “сочетал в себе качества ног быка с туловищем волка, лопаткой соболя и грудью медведя”. Аналогичным образом воссоздаются необычность внешности и физическая сила богатыря Манаса.

Широкоплечий он, стройный стан у него,
Вид суровый, ярость в лице –

Походит он на слона.
Шея тигриная, сильная рука,
Спина мощная, сердце – кремень,
Веки гладкие, звезды – глаза,
Уши волчьи, тигриная грудь –
Необычный облик у него [5, с. 260–261].

Животный мир, в особенности хищные животные издревле играли важную роль в символике древних кочевников. Возможно в проникновение в эпос т.н. “звериных” мотивов сыграли свою роль древние тотемические представления о физическом родстве того или иного племени с звериным родоначальником. Звери почитались как священные тотемы, призванные оберегать героя от всевозможных случайностей.

Тотемические представления, очевидно, сыграли свою роль в процессе выработки поэтического языка героического эпоса. Большинство постоянных эпитетов сопровождающих имя богатыря Манаса, произносятся почти как священный тотем: “арстан” (лев), “жолборс” (тигр), “кабылан” (леопард), “көк жал” (сивогривый волк). Причем подобными постоянными эпитетами Манас наделяется на протяжении всей эпопеи, во всех вариантах. Данные эпитеты восходят к древней тюркской эпической традиции и олицетворяют богатырскую силу, храбрость, бесстрашие, ловкость. Посредством этих эпитетов даются эпические характеристики не только Манасу, но и другим положительным героям. Аналогичные сравнения широко распространены и в эпосе казахском и узбекском и отнесены учеными к наиболее древнему слою эпической традиции тюркских народов [3]. В.М. Жирмунский писал: “Мужество, отвага, физическая сила идеального богатыря отражены в эпосе тюркоязычных народов Средней Азии в целом ряде традиционных сравнений героя с хищными животными, обладающие в народном представлении высшей степенью этих боевых качеств” [3, с. 121].

Типичной для всех вариантов эпоса “Манас” является гротескная гиперболизация в изображении отрицательных персонажей. Зачастую при описании внешнего облика вражеских богатырей сказители используют одну и ту же словесную формулу. С. Орозбаков, давая характеристику великану Джолю, изображает его следующим образом.

Алты батман буудай жеп,
Дан жыттанган чоң Жолой,
Алтымыш алпты бир союп,
Кан жыттанган чоң Жолой! [6, с. 209]

Шесть батманов пшеницы съедавший,
Хлебом пропахший великан Джошой,

Шестидесяти богатырям кровь пустивший,
Кровью пропахший великан Джошой!

Этот же стилистический прием использует С. Каралаев при описании богатыря Доңго:

Атагы Доңго дээр экен,
Жети батман буудай жеп,
Дан жыттанган эр экен,
Жеткендин баарын өлтүргөн
Кан жыттанган кул экен [6, с. 210].
Имя его оказывается Доңго,
Семь батманов пшеницы съедавший,
Хлебом пропахший храбрец оказывается он,
Убивавший всех, кого настигал
Кровью пропахший раб оказывается он.

В эпосе гиперболизируются не только богатыри, но и оружие которым они владеют. Оружие в эпосе поэтизируется и занимает важное место в образной системе эпоса. Грозный меч Манаса горел как пожар, если вытаскивал он ночью его. Если ударял им по горе, камень рассекал. Если ударял по пояснице, то и голову отсекал. Если клал на траву – вспыхивал пожар. Гиперболизируется в эпосе и процесс изготовления оружия. Только для мехов горна при обработке меча Манаса были заколоты целые стада быков. Когда клинок первый раз погрузили в воду для закалки, высохли воды студеного источника. Как верно отметила российский исследователь Р.С. Липец, оружие в героическом эпосе описано как бы в действии. Оно всегда звучит, звенит, сверкает [7]. Приведем традиционное описание богатыря Манаса, выезжающего на битву.

Манас сидит громадой на Аккуле,
Ловко держит в руках копьё,
Красуется в сапогах-накери,
Меч на поясе звенит,
Секира на поясе бречит,
За спиной поблескивает Аккельте,
Белый флаг, серый флажок
Трепещут на его копьё,
Как птица белый криклет, с криком
Выехал богатырь на майдан [8, с. 434].

В эпосе дается яркая звуковая и зрительная картина батальных сцен: лязг оружия, искры от клинков, блеск пик, крики воинов и т. п.

У кочевых народов получил свое развитие образ идеального коня, надежного спутника и боевого соратника воина-богатыря. Известно, что конь играл главную роль, как в хозяйственной, так и в военной жизни кочевников. “Сражаться на коне есть наше господство: и потому мы страшны перед

всеми народами. Мы еще не оскудели в отважных воинах...” – говорил один из вождей воинственных хунну, выступая на общем собрании предводителей хуннских родов [9, с. 70]. Спустя тысячелетие другой великий воин степи, Чингиз-хан сказал как-то: “Тот, кто упадет с лошади, каким образом будет иметь возможность встать и сражаться? А если и встанет, то пеший, каким образом пойдет под конного и выйдет победителем?” [10, с. 38].

В кыргызском эпосе богатырь Манас говорит:

Когда я на коне,
Я – пуля, несущая смерть,
Но когда пеший, всегда я слаб... [11, с. 405]

Сила кочевых народов была в их лошадях, потому что каждый мужчина с детства умел обращаться с конем и большую часть своей жизни проводил в седле. Владеть оружием верхом на коне кочевник также обучался с раннего детства, постоянно совершенствуя свое мастерство, участвуя в часто проводимых охотах и военных набегах. В хозяйстве кочевников больше всего ценилась лошадь. Главным богатством были табуны лошадей. Поскольку конь играл важную роль в жизни nomадов, особое внимание на коней обращает героический эпос. В “Манасе” образ коня получил детальную разработку. Сказители с особым благоговением изображают скакунов, много внимания уделяют обрисовке коня, ухода за ним, его повадок, качеств. Описание красоты и достоинств боевого коня имеет вообще широкое распространение в эпосе тюркоязычных народов.

Манас и его конь Аккула в эпосе составляют нерасторжимый образ. Ни один поединок, ни одна битва Манаса не проходят без его боевого коня Аккулы. Как и сам богатырь, принадлежащий ему конь, наделяется необыкновенными качествами. Часто встречаются гиперболизированные описания Аккулы. Грудь коня сказители нередко сравнивают с гранитной скалой, расстояние между его задними ногами уподобляют горному ущелью. В изображении коня, сказители нередко используют устойчивые стилистические конструкции, которые могут быть применимы при описании различных скакунов.

Маңдайында багы бар,
Кулагында шамы бар,
Куяндан бүткөн жаныбар

Лоб отмечен счастьем у него
В ушах, словно свечи зажжены,
Из вихря создан он [2, с. 42].

Эта словесная формула может быть применена сказителями при описании коня Манаса Аккулы или другого коня, например, Мааникера, коня Кёкётёя.

На протяжении многих веков вырабатывался особый поэтический стиль эпоса “Манас”. Традиционные выразительные средства, такие как: гипербола, сравнения, эпитеты, постоянные стилистические формулы и др. – это тот активный арсенал эпоса, без которого невозможно его бытование.

Одновременно со строгим следованием нормам традиции одним из типичных и основных признаков народных произведений является импровизация их творцов-исполнителей.

На текучесть поэтического текста и большую роль импровизации в творчестве сказителей-манасчи обратил внимание уже один из первых исследователей эпоса “Манас” академик В.В. Радлов. В процессе записи эпоса “Манас” ученый уловил важную закономерность в творчестве сказителей: импровизировать, т. е. составлять новое сказитель может только из арсенала старого, из “затвердившихся” в его памяти традиционных мест [12, с. 35]. На эту же закономерность указывал и академик В.М. Жирмунский. “Конечно, подобное новаторство, носящее характер импровизации, – писал он, – возможно лишь в рамках определенной, прочно сложившейся традиции – в построении сюжета, в мотивах и образах, постоянных стилистических формулах, эпитетах, сравнениях, фразеологических оборотах и т. п., которыми поэт-импровизатор пользуется как своего рода готовым поэтическим языком” [3, с. 88–89]. Певец эпических произведений берет за образец прежние традиции и художественные приемы и широко использует их в своем творчестве. Устойчивость традиции этих художественных приемов подтверждается и при сопоставлении сюжета кыргызского эпоса с близкородственными эпосами других народов [13].

Коллективная природа эпоса наблюдается и в том, что слушатели соучаствуют в его исполнении. Это соучастие проявляется иногда лишь в возгласах одобрения или неодобрения исполняемому. Но и такое незначительное соучастие все же оказывает влияние на исполнителя. О важной роли слушателей в процессе исполнения эпоса говорил академик В.В. Радлов, не раз воочию наблюдавший выступления кыргызских манасчи. “Стоит только взглянуть на киргизского рассказчика, чтобы убедиться в том, что киргиз любит говорить и как он старается легкой и обдуманной речью повлиять на своих слушателей. Не трудно также заметить, что и слушатели с необыкновенным наслаждением

следят за его словами и вполне умеют ценить удачную речь. Гробовое молчание царствует в толпе, когда рассказчику удается привлечь к себе всеобщее внимание: все сидят, наклонившись вперед, с блестящими, восторженными глазами и, затаив дыхание, прислушиваются к словам оратора, и каждая ловкая изящная фраза его, каждое остроумие, игривое слово вызывает крики восторженно-го одобрения” [12, с. 27].

Таким образом, в творчестве сказителей эпоса большую роль играет традиция, однако это не значит, что сказитель слово в слово повторяет услышанное им от предшественников. Большую роль в его творчестве играет импровизация, которая осуществляется на основе прочно сложившейся традиции сюжета эпоса и его поэтического стиля. Сказитель высшего уровня в процессе исполнения эпоса стремится всецело завладеть вниманием слушателей и получить их всеобщее одобрение, ибо именно слушатели являются главными ценителями его поэтического мастерства.

Литература

1. Аникин В.П. Фольклор как коллективное творчество народа / В.П. Аникин // Русское устное народное творчество. Хрестоматия по фольклористике: учеб. пособие / сост. Ю.Г. Круглов, О.Ю. Круглов, Т.В. Смирнова. М.: Высш. шк., 2003.
2. Кыдырбаева Р.З. К проблеме традиционного и индивидуального / Р.З. Кыдырбаева. Фрунзе: Илим, 1967.
3. Жирмунский В.М. Введение в изучение эпоса “Манас” / В.М. Жирмунский // Киргизский героический эпос “Манас”. М.: АН СССР, 1961.
4. Сыдыков А. Традиционная композиция описаний похода в эпосе “Манас” / А. Сыдыков // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР. М.: Наука, 1980.
5. Манас. Киргизский героический эпос. Книга 1 // Киргизский героический эпос. Манас. М.: Наука, 1984.
6. Кыргыз элинин оозеки чыгармачылык тарыхынын очерки. Фрунзе: Илим, 1973.
7. Липец Р.С. Образы батыра и его коня в тюркомонгольском эпосе / Р.С. Липец. М., 1984.
8. Манас. Киргизский героический эпос. Книга 2 // Киргизский героический эпос. Манас. М.: Наука, 1988.
9. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы / С.И. Руденко. М. – Л.: АН СССР, 1962.
10. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм / Б.Я. Владимирцов. Л.: АН СССР, 1934.
11. Манас. Киргизский героический эпос. Книга 3. М.: Наука, 1990.
12. Радлов В.В. Предисловие / В.В. Радлов // Энциклопедический феномен эпоса “Манас”. Бишкек: Мурас, 1995.
13. Галимова А.Р. Сюжетные аналогии татарского эпоса “Идегей” и кыргызского эпоса “Манас” / А.Р. Галимова // Вестник КРСУ. 2017. Т. 17. № 4. С. 103–106.